

Научная статья

УДК 343

EDN NLHPRK

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(4).361-369

ИНФРАСТРУКТУРА ТЕРРОРИЗМА: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Д.К. Боков

Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

3 июля 2024 г.

Дата принятия в печать

27 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения

15 октября 2024 г.

Ключевые слова

Инфраструктура терроризма;
терроризм; преступления, связанные
с терроризмом

Аннотация. С точки зрения системного подхода терроризм представляет собой сложноорганизованную систему — насильственную криминальную деятельность, которая детерминируется факторами внешней среды и осуществляется под их непосредственным влиянием. При этом специфика терроризма заключается в том, что эти факторы имеют преимущественно «рукотворный» и целенаправленный характер: в качестве таковых выступает деятельность, направленная на финансирование терроризма, вербовку членов террористических объединений, их подготовку, идеологическую «обработку», вооружение, материально-техническое оснащение, информационное обеспечение. Сущность этих деяний в рамках системного подхода можно отразить посредством концепта «инфраструктура терроризма».

Под инфраструктурой терроризма предлагается понимать умышленные общественно опасные деяния, направленные на формирование и развитие идеологической основы, кадрового резерва, организационно-управленческих структур, материально-технической и информационной базы терроризма.

В статье обосновывается, что концепция инфраструктуры обладает значительным гносеологическим потенциалом и может быть продуктивно использована в рамках исследования феноменологии терроризма. В частности, она позволяет: подчеркнуть, что терроризм как сложный системный объект не может существовать в отрыве от его идеологической, кадровой, информационной, материально-технической, организационно-управленческой инфраструктуры; показать тесную функциональную связь терроризма и его инфраструктуры; продемонстрировать объективно существующее различие между ненасильственными общественно опасными деяниями, формирующими идеологическую, кадровую, информационную, ресурсную основу терроризма, и собственно терроризмом; углубить существующие представления о причинном комплексе терроризма, разграничить внутри него политические и социально-экономические факторы, способствующие радикализации и распространению терроризма, и целенаправленные деяния, которые детерминируют террористическую активность; создать основу для классификации и систематизации преступлений террористической направленности.

Original article

THE INFRASTRUCTURE OF TERRORISM: CONCEPT AND ESSENCE

Dmitry K. Bokov

University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2024 July 3

Accepted

2024 September 27

Available online

2024 October 15

Keywords

Infrastructure of terrorism; terrorism;
crimes related to terrorism

Abstract. Systemic approach views terrorism as a complex system, as violent criminal activities determined by the factors of external environment and carried out under their direct influence. The specifics of terrorism lie in the fact that these factors are mainly «man-made» and purposeful: they include actions of financing terrorism, recruiting new members into terrorist groups, their training and ideological «conditioning», providing arms and technical means, as well as information support. Within the framework of systemic approach, the essence of these actions could be described by the concept «the infrastructure of terrorism».

The author suggests that the infrastructure of terrorism should be understood as purposeful socially dangerous actions aimed at the formation and development of an ideological basis, human resources reserves, organizational-management structures, material-technical and information bases of terrorism.

The author proves that the concept of infrastructure has a considerable gnosological potential and could be productively used to research the phenomenon of terrorism. Specifically, it allows to stress that terrorism, as a complex systemic object, cannot

exist without its ideological, human resources, informational, material-technical, organizational-management infrastructure; to show a close functional connection between terrorism and its infrastructure; to demonstrate objective differences between non-violent socially dangerous actions constituting the ideological, human resources, informational, resource bases of terrorism, and terrorism proper; to deepen the understanding of the causal complex of terrorism, to differentiate between the political and socio-economic factors contributing to radicalization and the spread of terrorism, and the purposeful actions determining terrorist activities; to create a foundation for the classification and systematization of terrorism-related crimes.

В российском правовом пространстве для обозначения террористических угроз используются термины «терроризм», «террористическая деятельность», «террористический акт», «преступления террористической направленности», «преступления террористического характера». Причем этот понятийно-терминологический аппарат не отражает должным образом сущность феноменологии терроризма и не соответствует требованиям определенности, системности и непротиворечивости. Таким образом, нормативная терминология, призванная отразить террористические угрозы, находится в хаотичном состоянии [1].

Сложившаяся ситуация является неприемлемой. Практика противодействия терроризму требует четкого понимания характера, видов и объема террористических угроз, а также их адекватного терминологического отражения. Не претендуя на однозначное и окончательное решение этого объективно непростого вопроса, позволим себе высказать некоторые соображения относительно методологических подходов к пониманию терроризма и связанных с ним явлений, которые могут послужить основой для исследования террористических практик и оптимизации терминологического аппарата, обозначающего террористические проявления.

Во-первых, следует отметить, что при всем многообразии ракурсов, с которых рассматривается терроризм (политический, социологический, криминологический, международно-правовой, уголовно-правовой и др.), исследователи этого феномена, как правило, сходятся в том, что таковой проявляется в устрашающих население *насильственных деяниях*, нацеленных на дестабилизацию деятельности органов власти и оказание воздействия на принятие решений публично-правовыми образованиями (так называемая «политическая цель»). Таким образом, терроризм необходимо рассматривать с точки зрения *деятельностного подхода* как проявление осознанной и целенаправленной человеческой деятельности.

Указанный подход получил отражение во всех антитеррористических международных актах, образующих универсальный режим борьбы с терроризмом. Исходя из этого методологически неверной следует признать попытку определения терроризма как идеологии насилия (п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»). Терроризм, вне всякого сомнения, представляет собой идеологически «окрашенную» насильственную деятельность. Тесная взаимосвязь между идеологией терроризма и практикой ее реализации выражается в том, что эта идеология детерминирует терроризм, выступает в качестве его мировоззренческой платформы, определяет террористический «репертуар» [2; 3, р. 77–93]. Но от этого соответствующая идеология не становится составной частью терроризма как такового. Точно так же и причины преступности (ее детерминанты, факторы) продуцируют преступность, но остаются за рамками этого понятия.

Во-вторых, нужно учитывать, что террористические проявления и угрозы представляют собой сложную криминальную систему, состоящую из ряда взаимосвязанных элементов и взаимодействующую с факторами внешней среды. А следовательно, *феноменология терроризма должна рассматриваться с методологических позиций системного подхода*. Не углубляясь в подробное изложение принципов и требований системного подхода, отметим в общих чертах, что он ориентирован прежде всего на изучение целостных, интегративных свойств, которые присущи системному объекту, его структурного строения (элементов и связей между ними), а также на исследование системы во взаимосвязи и взаимодействии с другими объектами и внешними факторами ее функционирования. Как отмечается в доктрине, «системный подход рассматривает систему не как таковую, не саму по себе, а в связи с окружающей средой, на фоне которой и во взаимодействии с которой функционирует система, что позволяет определить границы системы, познать ее целостность, по-

нять, почему рассматриваемая система имеет именно такую структуру, объяснить и прогнозировать трансформации системы» [4, с. 92].

Системный анализ, который давно вошел в арсенал методов исследования терроризма [5–8], приводит к выводу, что терроризм представляет собой сложноорганизованную насильственную криминальную деятельность, совершаемую с политическими целями (дестабилизация управленческой деятельности, оказание воздействия на принятие решений публично-правовыми образованиями), *которая детерминирована факторами внешней среды и осуществляется под их непосредственным влиянием.*

При этом специфика терроризма заключается в том, что эти факторы имеют преимущественно «рукотворный» и целенаправленный характер, ведь «совершению практически каждого террористического акта предшествует деятельность (в тех или иных сочетаниях) лиц, которые непосредственно не принимают участие в его исполнении (вербовщиков, инструкторов, лиц, предоставляющих вооружение и финансирование). Причем эта деятельность вносит существенный, а иногда определяющий вклад в совершение террористического акта, выступает в качестве его необходимого условия, так как без вовлечения исполнителя, его подготовки, вооружения и финансирования многие террористические акты не были бы совершены» [9, с. 17].

Это подтверждается данными специальных исследований:

– изучение уголовных дел о террористических актах (ст. 205 УК РФ), проведенное А.С. Шуйским, показывает, что вовлечение осужденного (осужденных) в совершение террористического акта прослеживается в 67,5 % уголовных дел; его (их) вооружение в целях совершения террористического акта — в 78,8 %; прохождение осужденным (осужденными) специальной подготовки к террористической деятельности — в 33,8 %; финансирование терроризма — в 86,3 % [10];

– сотрудники правоприменительных органов, опрошенные А.А. Докуевым, указали, что необходимыми условиями совершения террористических актов и иных преступлений террористического характера являются: финансирование терроризма (91,2 %); вербовка исполнителей (86,4 %); их вооружение (97,0 %), подготовка в целях совершения указанных преступлений (59,5 %) [9, с. 17];

– проведенное интернациональным коллективом (Центр религиоведческих исследований

Кыргызско-Российского Славянского университета, Общественный совет при Государственной службе исполнения наказаний Кыргызстана совместно с Ноттингемским университетом (Великобритания) при поддержке Международного центра передового опыта по борьбе с насильственным экстремизмом «Хедайя») интервьюирование иностранных боевиков-террористов (далее — ИБТ), которые отправились воевать в Сирию в составе международных террористических организаций «Джебхат ан-Нусра», ИГИЛ и других террористических групп, а также членов их семей, приводит к выводам о том, что почти все ИБТ подверглись радикализации и последующей мобилизации в результате контактов с другими людьми, т.е. в результате вербовки (не последнюю роль в данном процессе сыграли социальные сети), при этом свидетельств саморадикализации практически нет [11].

Это обстоятельство особо отмечается в Руководстве по включению в законодательство и применению универсальных документов о борьбе с терроризмом, подготовленном структурами ООН: «Совершение террористических актов требует мобилизации средств для поддержания подпольных сетей, подготовки групп, организации сложных операций, приобретения оружия или подкупа сообщников»¹.

Напомним, что в секторальных антитеррористических конвенциях и резолюциях Совета Безопасности ООН указанные деяния (вербовка членов террористических групп, пропаганда и финансирование терроризма, вооружение и подготовка в террористических целях, оказание иной помощи) рассматриваются в качестве проявлений терроризма, признаются разновидностью террористических актов. А в национальном российском законодательстве они расцениваются в качестве террористической деятельности наряду с террористическим актом, захватом заложников, что размывает понятие терроризма, выхолащивает его содержание. Аналогичные тенденции прослеживаются и в юридической доктрине. Например, В.Ф. Антипенко отмечает, что «сложные формы современного терроризма помимо террористических актов как таковых, включают действия, создающие причины

¹ Руководство по включению в законодательство и применению универсальных документов о борьбе с терроризмом // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Вена, 2006. URL: <https://www.unodc.org/pdf/terrorism/TATs/ru/2LIIGru.pdf> (дата обращения: 14.08.2024).

и условия для террористического конфликта, а также всю инфраструктуру сил, средств и методов, на которых базируется террористическая деятельность» [12, с. 38].

Например, вполне очевидно, что перечисление денежных средств участнику террористической организации, предоставление реквизитов банковских карт для сбора средств, которые впоследствии направлены участникам террористической группы, передача материальных ценностей для поддержки «джихада» непоставимы по своей сущности и общественной опасности с террористическим актом (в том понимании, которое зафиксировано в ст. 205 УК РФ и п. 3 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ), захватом заложников (ст. 206 УК РФ), угоном воздушного судна (ст. 211 УК РФ), посягательством на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), актом международного терроризма (ст. 361 УК РФ). Финансирование, вне всякого сомнения, выступает в качестве мощнейшей детерминанты терроризма (что подтверждается криминологическими исследованиями [13, с. 9–10]), но в системно-структурном отношении это деяние нельзя считать терроризмом как таковым. С точки зрения системного подхода финансирование следует рассматривать как внешнее по отношению к терроризму явление, как фактор внешней среды, под воздействием которого совершаются собственно террористические преступления. Причем это в полной мере относится и к вербовке членов террористических групп, публичным призывам к терроризму и его пропаганде, вооружению и подготовке террористов, прохождению обучения в террористических целях.

Полагаем, что сущность этих преступлений в рамках системного подхода можно отразить посредством концепта «*инфраструктура терроризма*». В общем смысле инфраструктура (от лат. *infra* — ниже, под + лат. *structura* — строение, расположение) определяется как комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур или объектов, составляющих и обеспечивающих основу функционирования системы; комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур, составляющих и/или обеспечивающих основу (базу) для решения проблемы (задачи)². Иными словами, инфраструктура представляет собой

подчиненную систему (подсистему), предназначенную для обеспечения функционирования основной системы.

Изначально термин «инфраструктура» пришел в широкий оборот из военной науки, где он использовался для обозначения системы стационарных объектов и отдельных сооружений, являющихся основой для развертывания вооруженных сил, ведения военных действий и обеспечения боевой и оперативной подготовки войск³ [14]. Впоследствии концепция инфраструктуры получила свое развитие в экономической науке, где она используется, как правило, для характеристики того или иного набора активов (совокупности предприятий, учреждений, систем управления, связи и т.п.), институтов и видов деятельности, обеспечивающих жизнедеятельность общества или какой-либо ее сферы [15; 16, с. 397]. В настоящее время это понятие приобрело универсальный характер: в рамках системного подхода оно применяется для описания системы, обеспечивающей функционирование другой (основной) системы, т.е. имеющей служебный, подчиненный характер по отношению к основной системе. Таким образом, отличительной характеристикой любой инфраструктуры является ее функциональная направленность на обеспечение существования и работоспособности основной (главной) системы.

Следовательно, применительно к предмету нашего исследования инфраструктурой терроризма можно считать систему, которая выполняет обеспечительные, служебные, подчиненные функции по отношению к основной системе, в качестве которой выступает сам терроризм.

В современной научной литературе и управленческой практике выделяются различные виды инфраструктуры — экономическая, социальная, рыночная, транспортная, дорожная, инженерная, туристическая, военная, информационная, инновационная и др. При этом к инфраструктуре, как правило, относят материальные активы, которые задействуются для функционирования другой системы (материальный компонент), информационно-телекоммуникационные технологии, цифровые решения и продукты, обеспечивающие работу основной системы («цифровой», информационный компонент), а также деятельность, на-

² Инфраструктура: основные понятия и термины. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/infrastruktura-20230628-2033/?ysclid=lr0l1tx8uw301096078> (дата обращения: 14.08.2024).

³ Инфраструктура военная. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/search.htm> (дата обращения: 14.08.2024).

целенную на выполнение задач главной системы (деятельностный компонент)⁴ [17, с. 10–11; 18, с. 58–59; 19, с. 9; 20].

Применительно к проблематике уголовно-правового противодействия инфраструктуре терроризма особого внимания заслуживает именно последний — деятельностный — аспект инфраструктуры. Отметим, что для подготовки и совершения террористических преступлений (террористических актов в их широком понимании) задействуется обширный арсенал материально-технических средств и технологий, в том числе самых современных. Причем большинство из них относится к средствам и технологиям двойного назначения либо имеет общедоступный характер (деньги, криптовалюта, транспортные средства, компьютерная техника, средства связи, информационно-телекоммуникационные сети, программное обеспечение, цифровые технологии, беспилотные летательные аппараты и др.). Поэтому их нельзя считать элементами материально-технической и информационной инфраструктуры терроризма. В качестве таковой следует рассматривать не материальные активы, технологии и цифровые продукты, а *деятельность, направленную на их создание, приспособление, приобретение, предоставление и использование в целях совершения террористических преступлений.*

Аналогичным образом, т.е. на основе деятельностного подхода, целесообразно рассматривать и иные составные элементы инфраструктуры терроризма. В частности, в качестве идеологической инфраструктуры терроризма следует понимать не саму идеологию терроризма, а ее формирование и распространение посредством пропаганды и публичного оправдания терроризма; в качестве кадровой инфраструктуры терроризма — не сам «кадровый резерв» террористических объединений, а действия, направленные на его формирование (вовлечение в совершение террористических преступлений, публичные призывы к их совершению).

С учетом вышеизложенного под *инфраструктурой терроризма* предлагается понимать *умышленные общественно опасные деяния, направленные на формирование и развитие идеологической основы, кадрового резерва, организационно-управленческих структур, материально-технической и информационной базы терроризма.*

⁴ World development report 1994: infrastructure for development. Washington : The Worldbank, 1994.

Полагаем, что концепция инфраструктуры, базирующаяся на постулатах системного подхода, обладает значительным гносеологическим потенциалом и может быть продуктивно использована в рамках исследования феноменологии терроризма. В частности, эта концепция позволяет:

- подчеркнуть, что терроризм как сложный системный объект не может существовать в отрыве от его идеологической, кадровой, информационной, материально-технической, организационно-управленческой инфраструктуры;

- показать тесную функциональную связь терроризма и его инфраструктуры;

- продемонстрировать объективно существующее различие между *ненасильственными* общественно опасными деяниями, формирующими идеологическую, кадровую, информационную, ресурсную основу терроризма, и собственно терроризмом, *сущность которого заключается в насилии*, применяемом с целью устрашения населения, дестабилизации государственной власти, оказания воздействия на принятие решений публично-правовыми образованиями (международными организациями, государством, муниципальными образованиями);

- углубить существующие представления о причинном комплексе терроризма, разграничить внутри него политические и социально-экономические факторы, способствующие радикализации и распространению терроризма (затянувшиеся неурегулированные конфликты, нарушение прав человека, дискриминация, социально-экономическая маргинализация и т.п.), и целенаправленные деяния, которые детерминируют террористическую активность и выступают тем самым в качестве инфраструктуры терроризма;

- создать основу для классификации и систематизации преступлений террористической направленности.

В развитие последнего тезиса нужно отметить, что термин «инфраструктура терроризма» сам по себе вряд ли пригоден для юридической фиксации. Ценность предложенной концепции состоит в другом — она позволяет разграничить насильственные террористические преступления, в которых воплощается сущность терроризма (неизбирательное насилие в отношении гражданских лиц и объектов в целях воздействия на управленческую деятельность государства и иных публично-правовых образований) [21], и ненасильственные преступные деяния, направленные на формирование и развитие

идеологической основы, кадрового резерва, организационно-управленческих структур, материально-технической и информационной базы терроризма, т.е. образующие инфраструктуру терроризма.

К сожалению, терминологический аппарат, позволяющий дифференцировать эти преступления и отразить объективно существующие различия между ними, не разработан. В международных актах и в российском законодательстве прослеживается тенденция к использованию обобщающих понятий, которые охватывают обе указанные группы преступлений («терроризм», «террористическая деятельность», «преступления террористической направленности»). При этом их дифференциация на понятийном, терминологическом уровне не проводится, что размывает и даже в некотором смысле девальвирует понятие «терроризм».

Намного более выигрышным в этом плане выглядит рамочное законодательство Европейского союза (ЕС). В Директиве Европейского парламента и Совета Европейского союза 2017/541 от 15.03.2017 г. о противодействии терроризму, о замене Рамочного Решения 2002/475/ПВД Совета ЕС и об изменении Решения 2005/671/ПВД Совета ЕС разграничиваются три группы преступлений, имеющих «террористическую окраску»:

1. *Террористические преступления* (ст. 3 Директивы), к числу которых отнесены умышленно совершенные с террористическими целями⁵ деяния, которые с учетом их характера или контекста совершения могут нанести серьезный вред стране или международной организации, включая: (а) посягательство на жизнь человека, способное повлечь за собой наступление смерти; (б) посягательство на физическую неприкосновенность какого-либо лица; (с) похищение человека или захват заложника; (д) причинение крупных разрушений правительственному или публичному сооружению, транспортной системе, инфраструктуре, включая информационную систему, стационарной платформе, расположенной на континентальном шельфе,

⁵ В параграфе 2 ст. 3 Директивы оговаривается, что террористическими целями являются следующие: (а) серьезно запугать население; (б) необоснованно принудить правительство или международную организацию к тому, чтобы совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения; (с) серьезно дестабилизировать или разрушить основные политические, конституционные, экономические или социальные структуры государства или международной организации.

месту общественного пользования или частной собственности, когда указанные деяния способны вызвать опасность для жизни людей или нанести значительный экономический ущерб; (е) захват воздушных, морских судов или иных средств общественного или грузового транспорта; (ф) изготовление, владение, приобретение, транспортировка, поставка или использование взрывчатых веществ или оружия, включая химическое, биологическое, радиологическое или ядерное оружие, а также проведение мероприятий по исследованию и разработке химического, биологического, радиологического или ядерного оружия; (г) выброс в окружающую среду опасных веществ или попытки вызвать пожары, наводнения, взрывы, если в результате этого создается опасность для жизни людей; (д) нарушение или временное прекращение снабжения водой электроэнергией или другим природным ресурсом, имеющим жизненно важное значение, если в результате этого создается опасность для жизни людей; (и) незаконное вмешательство в информационную систему; (ж) угроза осуществить одно из деяний, перечисленных в пунктах (а) — (и).

2. *Преступления, связанные с деятельностью террористических групп* (ст. 4 Директивы), к числу которых отнесены: (а) руководство террористической группой; (б) участие в деятельности террористической группы, в том числе посредством предоставления информации или материальных ресурсов или посредством финансирования ее деятельности любым способом при осознании того факта, что подобное участие способствует преступной деятельности террористической группы.

3. *Преступления, связанные с террористической деятельностью* (разд. III Директивы), к которым отнесены: открытое подстрекательство к совершению террористического преступления (ст. 5); вербовка в ряды террористов (ст. 6); проведение обучения терроризму (ст. 7); прохождение обучения терроризму (ст. 8); поездки с террористической целью (ст. 9); организация или содействие организации поездок с террористической целью (ст. 10); финансирование терроризма (ст. 11); другие преступления, связанные с террористической деятельностью (ст. 12). В Директиве оговаривается, что сущность этих деяний заключается в детерминации террористических преступлений: «преступления, связанные с террористической деятельностью, являются очень серьезными, поскольку

потенциально могут привести к совершению террористических преступлений и могут позволить террористам и террористическим группам сохранить и развить свою преступную деятельность» (п. 9 преамбулы).

Таким образом, рамочное законодательство ЕС позволяет дифференцировать (пусть и не всегда последовательно⁶) собственно террористические преступления, в которых воплощена сущность терроризма, и преступления, которые выступают в качестве инфраструктуры терроризма (преступления, связанные с деятельностью террористических групп и террористической деятельностью).

Этот подход, успешно апробированный на европейском уровне, может быть успешно реализован и в российском антитеррористическом законодательстве. Его реализация, в частности, предполагает:

⁶ В частности, не вполне понятно, почему «изготовление, владение, приобретение, транспортировка, поставка или использование взрывчатых веществ или оружия, включая химическое, биологическое, радиологическое или ядерное оружие, а также проведение мероприятий по исследованию и разработке химического, биологического, радиологического или ядерного оружия» (п. «f» ст. 3) отнесены к террористическим преступлениям. По своей сущности эти ненасильственные деяния гораздо ближе к преступлениям, связанным с террористической деятельностью.

– отказ от включения идеологического компонента в законодательную дефиницию терроризма;

– уголовно-правовое «опредмечивание» терроризма, его «юридизацию» посредством перечисления преступлений, выступающих в качестве проявлений терроризма. Для их обозначения можно использовать собирательное понятие «террористические преступления» (как в рамочном законодательстве ЕС), «террористические нападения» или «акты терроризма»;

– регламентацию понятия «преступления, связанные с терроризмом», предназначенного для обозначения преступных деяний, образующих инфраструктуру терроризма (вовлечение в совершение террористического преступления (акта терроризма) или в террористическую группу, создание террористической группы и участие в ней, вооружение, обучение, прохождение обучения в целях совершения террористического преступления (акта терроризма), финансирование террористического преступления или террористической группы и т.п.);

– использование термина «преступления террористической направленности» в качестве обобщающего понятия для обозначения совокупности террористических преступлений (актов терроризма) и преступлений, связанных с терроризмом (основной системы и ее инфраструктуры).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боков Д.К. Терминологический аппарат, используемый при характеристике террористических угроз: критический анализ и направления совершенствования / Д.К. Боков. — EDN BNKPMJ // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2024. — № 3. — С. 95–104.
2. Schoon E.W. Repertoires of Terror: News Media Classification of Militant Groups, 1970 to 2013 / E.W. Schoon, C.J. Beck. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. — 2021. — Vol. 7. — P. 1–13.
3. Fox W.P. Ranking Terrorist Targets Using a Hybrid AHP–TOPSIS Methodology / W.P. Fox, B. Ormond, A. Williams // *The Journal of Defense Modeling and Simulation: Applications, Methodology, Technology*. — 2015. — № 13 (1). — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1548512914563619>.
4. Ображиев К.В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы / К.В. Ображиев. — EDN PURTKN // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2012. — Т. 2, № 1. — С. 89–96.
5. Агаев Х.Ф. Терроризм как идеологическая система насилия / Х.Ф. Агаев. — EDN QCLWFX // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2013. — № 3. — С. 12.
6. Коваленко Н.А. О системном подходе к терроризму / Н.А. Коваленко. — EDN KWFWMMD // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2007. — № 3 (55). — С. 120–125.
7. Мишин Ю.Д. Актуальность использования сочетания системного и диалектического подходов в понимании терроризма / Ю.Д. Мишин, Е.А. Кочнев. — EDN SHTDRH // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 10-3 (60). — С. 118–123.
8. Юсупова Г.И. Использование системного подхода в изучении проблем безопасности и терроризма / Г.И. Юсупова, Ф.М. Мустафеев. — EDN ORSQBN // Вестник Дагестанского научного центра РАН. — 2011. — № 41. — С. 77–84.
9. Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности : монография / А.А. Докуев. — Москва : Юрлитинформ, 2016. — 185 с.
10. Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной прецензией : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.С. Шуйский. — Москва, 2012. — 203 с.
11. Ашраф А. Радикализация и дерадикализация: изучение опыта иностранных боевиков-террористов / А. Ашраф, И. Асланова. — Бишкек, 2021. — 78 с.
12. Антипенко В.Ф. Механизм международно-правового регулирования борьбы с терроризмом : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / В.Ф. Антипенко. — Москва, 2004. — 59 с.

13. Волков А.А. Терроризм: механизм развития / А.А. Волков // Антитеррор. — 2005. — № 1. — С. 9–10.
14. Манько В.Л. Инфраструктура военная / В.Л. Манько // Большая российская энциклопедия, 2004–2017. — URL: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2016358.
15. Theory of Infrastructure: Fundamentals of Market Economy Development / R. Jochimsen (ed.). — Tubingen: Mohr (Siebeck), 1966. — Vol. VII. — 253 p.
16. Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с.
17. Азин И.Н. Социальная инфраструктура общества в условиях рыночной экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / И.Н. Азин. — Казань, 2011. — 24 с.
18. Кокурин Д.И. Формирование и реализация инфраструктурного потенциала экономики России / Д.И. Кокурин, К.Н. Назин. — Москва : Транслит, 2011. — 333 с.
19. Мищенко И.Г. Оценка развития и устойчивости функционирования региональной инновационной инфраструктуры : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 5.2.3 / И.Г. Мищенко. — Белгород, 2023. — 24 с.
20. Prud'homme R. Infrastructure and Development / R. Prud'homme // Annual Bank Conference on Development Economics. — Washington, May 3–5. 2004. — Washington, 2004. — URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/698521468762373585/pdf/28975.pdf>.
21. Степанова Е.А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология / Е.А. Степанова. — DOI 10.20542/0131-2227-2010-7-23-32. — EDN MSRHFZ // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — № 7. — С. 23–32.

REFERENCES

1. Bokov D.K. Terminology Used to Characterize Terrorist Threats: Critical Analysis and Areas for Improvement. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2024, no. 3, pp. 95–104. (In Russian). EDN: BNKPMJ.
2. Schoon E.W., Beck C.J. Repertoires of Terror: News Media Classification of Militant Groups, 1970 to 2013. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 2021, vol. 7, pp. 1–13.
3. Fox W.P., Ormond B., Williams A. Ranking Terrorist Targets Using a Hybrid AHP–TOPSIS Methodology. *The Journal of Defense Modeling and Simulation Applications Methodology Technology*, 2016, no. 13. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1548512914563619>.
4. Obrazhiev K.V. Systemic Approach in Jurisprudence: Theoretical-Methodological Basis. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2012, vol. 2, no. 1, pp. 89–96. (In Russian). EDN: PURTKN.
5. Agayev H.F. Terrorism as an Ideological System of Violence. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem = Modern Research of Social Problems*, 2013, no. 3, pp. 12. (In Russian). EDN: QCLWFX.
6. Kovalenko N.A. On the Systemic Approach to Terrorism. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta = The Scientific Notes of the Russian State Social University*, 2007, no. 3, pp. 120–125. (In Russian). EDN: KFWWMD.
7. Mishin Yu.D., Kochnev E.A. Topicality of Using the Combination of Systemic and Dialectic Approaches in Terrorism Understanding. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2015, no. 10-3, pp. 118–123. (In Russian). EDN: SHTDRH.
8. Yusupova G.I., Mustafaev F.M. Systems Approach in Study of the Problem of Security and Terrorism. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Herald of Dagestan State University*, 2011, no. 41, pp. 77–84. (In Russian). EDN: ORSQBN.
9. Dokuev A.A. *Criminal Liability for Facilitating Terrorist Activities*. Moscow, YurLitinform Publ., 2016. 185 p.
10. Shuiskii A.S. *Counteracting Terrorist Attacks through Criminal-Law Norms with Dual Prevention*. Cand. Diss. Moscow, 2012. 22 p.
11. Ashraf A., Aslanova I. *Radicalization and De-radicalization: Studying the Experience of Foreign Terrorist Fighters*. Bishkek, 2021. 78 p.
12. Antipenko V.F. *The Mechanism of International Legal Regulation of Counteracting Terrorism*. Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2004. 59 p.
13. Volkov A.A. *Terrorism: A Mechanism of Development*. Antiterror = Antiterrorism, 2005, no. 1, pp. 9–10. (In Russian).
14. Man'ko V.L. Infrastructure, Military. *The Great Russian Encyclopedia*, 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2016358.
15. Jochimsen R. (ed.). *Theory of Infrastructure: Fundamentals of Market Economy Development*. Tubingen, Mohr (Siebeck), 1966. Vol. VII. 253 p.
16. Kuznetsov S.A. *The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Saint Petersburg, Norint Publ., 2020. 1536 p.
17. Azin I.N. *Social Infrastructure in the Market Economy Conditions*. Cand. Diss. Thesis. Kazan, 2011. 24 p.
18. Kokurin D.I., Nazin K.N. *The Formation and Implementation of the Infrastructure Potential of Russia's Economy*. Moscow, Translit Publ., 2011. 333 p.
19. Mishchenko I.G. *Evaluation of the Development and Sustainability of the Functioning of Regional Innovation Infrastructure*. Cand. Diss. Thesis. Belgorod, 2023. 24 p.
20. Prud'homme R. Infrastructure and Development. *Annual Bank Conference on Development Economics*. Washington, May 3–5. 2004. Washington, 2004. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/698521468762373585/pdf/28975.pdf>.
21. Stepanova E.A. Terrorism: Problems of Definition and Functional-Ideological Typology. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2010, no. 7, pp. 23–32. (In Russian). EDN: MSRHFZ. DOI: 10.20542/0131-2227-2010-7-23-32.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боков Дмитрий Константинович — проректор Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: dimbok@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bokov, Dmitry K. — Vice-Rector, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: dimbok@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Боков Д.К. Инфраструктура терроризма: понятие и сущность / Д.К. Боков. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(4).361-369. — EDN NLHPRK // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 4. — С. 361–369.

FOR CITATION

Bokov D.K. The Infrastructure of Terrorism: Concept and Essence. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 4, pp. 361–369. (In Russian). EDN: NLHPRK. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(4).361-369.